

Глава 1

Коричнево-чёрные глаза недобро смотрели на Лику.

Пёс медленно поднял верхнюю губу, обнажая страшные волчьи зубы. Он не трогался с места, не готовился к прыжку. Но мрачно предупреждал: не подходи, чревато.

— Маккей... Маккей! — осторожно позвала Лика и медленно раскрыла ладонь, на которой лежал розовый кружок колбасы. — Ну ты что... Я тебе вот, принесла...

Пёс даже не моргнул.

Верхняя губа всё так же поднята. Ни дать ни взять статуя, готовая ожить и разорвать любого.

— Маккей! — ещё раз позвала Лика и окончательно растерялась.

Сделать шаг вперёд она боялась, а выйти из вольера было стыдно. Поражение, уже в который раз!

— Ли-и-ика! — раздался громкий шёпот. К вольеру подошёл Стас и кивнул в сторону пса: — Это он?

— Да. Уйди, дурак.

— Ещё чего, разорвёт же. Стой, я отвлеку.

— Уйди, сказала! — прошипела Лика.

Из груди Маккея слышалось глухое рычание, словно там закипал невидимый чайник.

— Маккей, фу! — громкий, повелительный голос словно разрезал воздух. — Лика, выходи немедленно! Фу, сказал! Сидеть!

Дверца вольера открылась, Лику сильно дёрнули за руку, колбаса упала на снег. За спиной раздался сухой щелчок замка — как выстрел. Маккей так и не двинулся с места. Лишь внимательно и грозно смотрел на тех, кто осмелился потревожить его.

— Ты опять? Я же просил! — это была неправда. Просить Сергей Иванович не умел, он приказывал. — Запрещаю, поняла?

— Но... Сергей Иванович...

— Поняла?! — загремел хозяин приюта. — Ты пришла к Норту, марш гулять с ним! Ещё раз

увидишь у Маккея, можешь больше не приходить. Мне такие волонтеры нужны как щучке тапки.

— С Нормом я уже погуляла...

— Значит, до свидания! Приходи в субботу.

Стас шагнул вперед и подал голос:

— А мне с кем можно погулять?

— Ты волонтер? — громыхнул Сергей Иванович.

— Ага, новенький.

— Пока не станешь стареньким, ни с кем.

— А как же я тогда им стану? — осторожно поинтересовался Стас.

— Будешь убирать у Норта, пока Лика с ним гуляет. Вы из одной школы?

— Ну да. Одноклассники.

— Заразила, значит, — Сергей Иванович отошел к соседнему вольеру и с трудом поднял рулон металлической сетки. — Марш отсюда, скоро ветеринар приедет. Сегодня много работы.

— Пошли, — Лика потянула Стаса за рукав. — И правда, поздно уже...

Они нехотя зашагали мимо длинного ряда вольеров. Многие псы, завидев гостей, подходили к решётке, радостно лаяли. Некоторые просто виляли хвостом и широко улыбались,

как умеют только собаки. Большая рыже-чёрная дворняга спала, свернувшись бубликом.

— Это и есть начальник приюта? — тихо спросил Стас, выразительно скосив глаза на Сергея Ивановича.

— Ну да, наш Дог. Я его боюсь очень. Знаешь, какой он злой бывает!

— А Маккея, значит, не боишься?

— Тоже боюсь. Но Маккея жалко.

— Уже уходите? — из-за вольера выглянула веснушчатая рыжая девушка с веником в руке и улыбнулась. — Может, к Берте зайдёте? Она сегодня не гуляла.

— Мы... — Стас остановился и с надеждой посмотрел на Лику.

— Уходим, Настя! — торопливо ответила Лика. — Нам ещё к репетитору. Пока!

— Пока! — Настя весело отсалютовала растрёпанным веником и скрылась.

— Пошли! — прошипела Лика и, не глядя на Стаса, зашагала к выходу.

Тот направился следом, по пути поддевая ногой камешки.

Вечерело. Мокрый грязноватый снег лежал на тротуаре, кое-где поблёскивали первые лужицы. Сырой февральский ветер немного пах вес-

ной. Она всегда в феврале прилетает на разведку, принося запахи мокрой пожухлой травы, что с осени пролежала под снежной шубой. Дома смотрели жёлтыми тёплыми глазами окон.

— Что скажешь? — обернулась Лика, едва они отошли от приюта.

— Норт классный. Сверху ручку приделать, и швабра готова. Пекинес?

— Ну да.

— Тоже бросили?

— Нет, его не бросили. Хозяйка старенькая была, умерла. Она в соседней квартире жила. Ну я его Насте и отнесла. Хотела к себе, но почему-то не решилась.

— Я бы такого взял, но Мурзик из Норта ситечко сделает. Недавно привозили к нему кошку — я её час из-под дивана выковыривал. Хоть не по частям, и за то респект.

— Да я не за тем тебя позвала сегодня, не оправдывайся. Маккея хотела показать. Понравился?

— Этот Дарт Вейдер? Я думал, тебя тоже выковыривать из его будки придётся.

— Зачем? — обиделась Лика. — Он хороший, просто пережил много. Неизвестно, как бы ты себя вёл на его месте.

— Известно — ломал бы руки всем, кто их ко мне протягивает.

— Вот, а на Маккея говоришь!

— Так он не ломает и даже не гавкает. Видела? Просто зубы показывает. У него психика искорёженная, ваш начальник вон как испугался за тебя.

— Ну, в этом не Маккей виноват. Любого бы искорёжили, если бы на цепи держали и травили. Знаешь, кто у него хозяин был? Пьяница и ворюга.

— И зачем пьянице такая псина? Его же кормить надо, не хомяк.

— Ну, не знаю зачем... Кстати, Маккей не чистокровный ротвейлер. Там ещё кто-то в роду.

— Ещё хуже. От породистой собаки хоть знаешь чего ждать. А у этого тёмного неизвестно, какие гены разыграют. И что у него в мозгах, тоже не прочитаешь. Неадекват какой-то. Этвас!

— Что?

— Этвас. Это «нечто» по-немецки, темнота англоязычная.

— Слушай, ты, знаток собачий! — Лица разозлилась не на шутку. — У тебя есть кот, вот

и воспитывай его! А то к тебе зайти невозможно, вся мебель изодрана. Цветы почему выкинули? Потому что твой Мурзик, простите, их в личный туалет превратил. Вот разберись в генетике кошек и всё исправь. А Маккея нечего трогать. Да, били, да, травили, говорят, даже поджигали — видел на морде шрамы? А он оборонялся, я слышала, хозяину даже пальцы оттапал. Может, Маккей вообще не хотел злобным стать.

— Ты собаку на одну ступень с человеком не ставь, — снисходительно сказал Стас. — Пёс — это пёс, и мозг у него проще. Хотел, не хотел... Он об этом не думал. Ему делали больно — он ответил агрессией. Закон противодействия изучали ведь! В природе как в физике, ясно тебе, темнота бескультурная?

— Ты опять?! — окончательно взъярилась Лика и шмякнула Стаса по спине рюкзаком.

— Осторожно, надорвёшься, — тот аккуратно взял рюкзак и повесил себе на плечо. — Тебе ещё зачёт по физре сдавать. Пошли уже. Так и быть, до дома доведу. А то встретишь какого-нибудь хулигана. Жалко же парня, сгинет бесславно.

Ли́ка вздохнула, слепила снежок, бросила в Стаса, но промахнулась. И они дружно зашагали по тёмной февральской улице, освещённой жёлтыми огнями фонарей.

Глава 2

О Маккее Лике рассказала мамина знакомая, Вера Николаевна. Всю жизнь она работала в детской больнице медсестрой и часто приходила к маме в гости. Делала уколы, ставила капельницы, когда в семье болели. С мамой Вера Николаевна училась в одном классе, тогда и подружились. Совсем разные, они всё-таки понимали друг друга с полуслова.

Ликина мама была очень энергичная и красивая. Такая не просто коня остановит, а табун укротит, если надо. А Вера Николаевна — скромная, незаметная. Она очень жалела своих маленьких пациентов. Покупала им игрушки, брала у Лики книжки — яркие, дорогие, — чтобы почитать в палате.

В её жизни случилось большое горе: умер единственный сын Костя. Лица немного помнила его. Костя был старше её — темноволосый, серьёзный. Он редко улыбался, но был очень добрым. Костю сбила машина, и он в тот же день умер в реанимации больницы, где работала Вера Николаевна.

Горе по-разному входит в жизнь людей. И редко кто может потом выпроводить его за дверь и жить так, словно ничего не случилось.

Вера Николаевна не смогла поверить, что беда произошла по-настоящему. Ей казалось, Костя жив, лишь уехал. Настанет день, и он вернётся, повзрослевшим и таким же родным. И она не просто ждала, а искала сына. В каждом темноволосом мальчишке, а их в больнице было немало...

Мальчишки и рассказали Вере Николаевне о приюте «Друг человека». Он появился недавно. Его устроили студенты местного университета во главе с преподавателем химии Сергеем Ивановичем, которого прозвали Догом — за высокий рост и низкий, немного лающий голос. Сюда приносили собак, найденных во дворах и на дорогах. Искалеченных, больных, озлоб-

ленных. У многих были свои истории — как правило, собаки страдали от жестокости людей. Были и те, у кого, как у Норты, хозяев отняло время. И безымянники, чья история так и осталась неизвестной.

Собак лечили и открывали чистые страницы их жизни. Те, кто натерпелся от людей, поначалу трудно привыкали к ласке и добру. Но время делало своё дело, и потихоньку обитатели приюта снова начинали верить человеку.

Вера Николаевна очень хотела взять щенка, но не нашла — в приюте были только взрослые собаки. Тогда она стала приходиться по выходным — приносила кое-какую еду, мелкие игрушки. В субботу здесь работали волонтеры — старшекласники и студенты, им разрешали гулять с некоторыми собаками. И Вера Николаевна подметила, что одного пса — огромного, чёрного, с небольшим ожогом на морде — волонтерам никогда не доверяли.

Это и был Маккей. В приюте он жил почти год, но остался верен своему характеру.

От студентов и местных жителей Вера Николаевна слышала, что Маккей вырос на цепи, охраняя дом хозяина, который вовсе не любил